

УДК 801.631+81'38=112.2'42

ББК 81.2

ПРАГМАПОЭТИКА В КОГНИТИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ

БЕЗУГЛАЯ Л. Р.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

В статье обосновывается целесообразность лингвопрагматического анализа поэтического текста с помощью когнитивного подхода. Выделяются прагматические типы поэтических текстов на основе референтивной авторской интенции – ассертивной, волитивной, эмотивной. Устанавливаются ее специфические черты: ограниченность репрезентационным уровнем, фикциональность, направленность на весь текст и двойственный характер – наличие референтивной и эстетической интенции. Последняя определяется как положительное эмоционально-оценочное отношение автора к создаваемой словесной форме.

Ключевые слова: интенция, когнитивный подход, поэтика, поэтический текст, прагматика.

This article explains the advisability of pragmatic analysis of a poetic text by dint of the cognitive approach. The pragmatic types of poetic texts based on the author's intention are proposed – these are assertive, volitive, emotive ones. Its specific features are drawn, such as limitation to the representational level, fictionality, focus on the whole text, dual character – the occurrence of referentive and esthetic intention. The latter is defined as the author's positive emotional-appraisive attitude to the word form being created.

Key words: intention, cognitive approach, poetics, poetic text, pragmatics.

Поэзия и прагматика, на первый взгляд, – взаимоисключающие понятия. Прагматика в обыденном понимании – целесообразность, направленность на результат, выгодность действия. Поэзия – возвышенное, образное мироощущение, оторванность от реальности, гармония ради гармонии. Тем не менее, появились исследования, пытающиеся интегрировать лингвистическую прагматику и поэтику [5; 19; 20; 23], создавая предпосылки для становления новой пограничной дисциплины – прагмапоэтики.

Такое междисциплинарное взаимодействие неслучайно: оно является отражением интеграционных процессов в современной науке в целом. Лингвистика вовлечена в процессы взаимовлияния и взаимопроникновения дисциплин, находясь в русле современного развития научной мысли. С одной стороны, лингвистика привлекает методологию и терминологию других наук, что привело к бурному развитию социо-, прагма-, этно-, психо-, нейролингвистики, когнитивной лингвистики, лингвистической поэтики и т. п. С другой стороны, сами новые лингвистические дисциплины обогащаются методологическим инструментарием друг друга. Ярким примером этому может служить прагмалингвистика / лингвопрагматика, которая характеризуется привлечением исторического, социального, контрастивного, этнокультурного, когнитивного и дискурсивного аспектов, что ведет к расширению ее предмета и углублению методологии.

Настал черед интеграции прагматики и поэтики. В этой связи возникает вопрос: А можно ли совместить несовместимое – выделить в поэзии прагматическую составляющую? Целесообразно ли использовать деятельностный подход, характерный для прагматики, в анализе художественного мира, создаваемого поэтическим словом? Совместимы ли прагматика, в основе которой лежит слово как действие, и поэтика, основанная на анализе словесного искусства? Правомерно ли выделение прагмапоэтики как лингвистической дисциплины?

Цель статьи – обосновать правомерность прагмапоэтики и целесообразность лингвопрагматического анализа художественного, в частности поэтического, текста с позиций

когнитивного подхода. Вначале рассматриваются общие и различные черты данных дисциплин. Затем обосновывается коммуникативная специфика поэтического текста. В качестве интеграционного звена предлагается когнитивное понятие интенции автора поэтического текста. В заключение приводятся примеры прагматических типов поэтического текста на основании ведущей авторской интенции.

Прагматика vs. поэтика. Прагматика предполагает изучение языка как орудия осуществления некоторой целенаправленной, коммуникативной деятельности. Ее основной вопрос сформулирован в названии статьи Дж. Л. Остина, давшей толчок развитию этой дисциплины, – “How to do things with words?” (в переводе – “Слово как действие”) [8], так что “в фокусе лингвистического исследования оказываются отношения между языковыми единицами и теми, кто их использует, а также условия реализации языковых единиц, т. е. составляющие речевой деятельности” [9, с. 431].

Содержанием поэтики являются, по словам Р. О. Якобсона, “*differentia specifica* словесного искусства по отношению к прочим искусствам и по отношению к прочим типам речевого поведения”, отсюда – ее основной вопрос: “Благодаря чему речевое сообщение становится произведением искусства?” [15, с. 193]. Иными словами, в центре внимания прагматики – использование языка в коммуникации для производства различных действий – вопросов, сообщений, обещаний, упреков, просьб и т. п., а в центре внимания поэтики – использование языка для создания произведений искусства.

Очевидно, что обе дисциплины объединены своего рода общим знаменателем, которым является язык. Более того, речь идет не о системе языка, а о языке в своем отношении к субъекту – субъекту коммуникации или субъекту творчества, об использовании языка как инструмента деятельности – коммуникативной или творческой.

Деятельность, таким образом, является еще одним связующим звеном прагматики и поэтики. Деятельность как целенаправленная ориентация субъекта в предметном мире [6, с. 141] предполагает осознанность и целенаправленность, каковыми являются и коммуникация, и творчество.

Наконец, третьим общим свойством прагматики и поэтики является когнитивный подход, которым обе дисциплины характеризуются на современном этапе своего развития. И прагматика, и поэтика анализируют речевую или, соответственно, творческую деятельность с точки зрения мышления человека, что влечет за собой применение к ним атрибута “когнитивная”. Когнитивная прагматика учитывает ментальные процессы и структуры говорящего субъекта, лежащие в основе его речевых действий [13, с. 155]. Когнитивная поэтика нацелена на реконструкцию мировосприятия художника слова на основе языковых факторов, которые формируют эстетическое и эмоциональное воздействие поэтического текста [24, с. 4]. Когнитивизация прагматики и поэтики зиждется на том, что и речевое высказывание, и языковые свойства поэтического текста отражают ментальный мир автора. Таким образом, обе дисциплины находятся в рамках триады “мышление – язык – речь”.

Тем не менее, различия прагматики и поэтики существенны. Во-первых, данные дисциплины изучают деятельность разного рода: коммуникативная деятельность нацелена на коммуникацию, а творческая деятельность – на творчество. Коммуникация немислима без адресата, а творчество сосредоточено на произведении искусства, адресат играет в нем второстепенную роль. Во-вторых, изучая язык, эти дисциплины акцентируют разные его функции: прагматику интересует коммуникативная функция языка, а поэтику – поэтическая: передача информации vs. сообщение ради самого сообщения. В-третьих, прагматика и поэтика различаются в области референции. В обычной речевой коммуникации слова соотносятся с положениями вещей в мире – это и есть референция, особенностями этого соотношения занимается прагматика: Как слова отражают мир? Что стоит за словами? Слова для прагматики – знаки как способ выражения содержания.

В поэзии референция превращается в авто-референцию – поэтику интересуют слова как самоцель. Все равно, что они означают, внимание переключается с содержания высказывания на языковую природу самого высказывания – выражение само становится содержанием [20, с. 383, 389].

Именно свойство авто-референтивности позволяет квалифицировать творческую деятельность как некоммуникативную. Однако нельзя полностью отрицать ее коммуникативность. Если исходить из принципа диалогической природы языка, обоснованного В. фон Гумбольдтом [17, с. 138], поэтический текст коммуникативен, поскольку он диалогичен. Диалогичность его выражена в том, что, по М. М. Бахтину, любой текст является ответной реакцией на другие тексты и всякое понимание текста есть соотнесение его с другими текстами [2, с. 488].

Поэтому противопоставление речевой и творческой деятельности как коммуникативной и некоммуникативной является условным, что позволяет говорить о художественной коммуникации как о своего рода “семи-коммуникации” (от лат. *semi* – “наполовину”).

Примечательно, что возникающий в результате словесного творчества художественный текст считается разновидностью высказывания, ср. определение В. Г. Адмони: “Художественный текст – это возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания” [1, с. 120]. В этом определении совмещены и цель творчества – постижение мира, и способ достижения этой цели – язык, и инструмент – мысли и чувства, и условие достижения цели – вдохновение творца.

Коммуникативная специфика поэтического текста. Будем считать творческую деятельность все-таки коммуникативной (пусть и “наполовину”) с учетом ее специфики. Она проявляется, прежде всего, в особой коммуникативной природе художественного высказывания / текста.

Рассмотрим специфические черты поэтического текста по сравнению с обычным, непоэтическим.

В поэтическом тексте ведущую роль играют категории эстетичности и эмотивности, связанные с поэтической функцией языка. Предметы видятся по-особому и оцениваются в зависимости от эффекта их эстетической и эмотивной значимости во взаимодействии со словами [24, с. 4, 56–61]. Поэзия – это не только рифмованные строки, это красота языка во всех его проявлениях. Настоящая поэзия всегда связана с чувством языковой гармонии. И чем больше в стихотворении языковых находок, тем более велика его художественная ценность, тем более значимо оно как художественное произведение.

Эстетической нормой поэтического текста считается фикциональность – принцип несоответствия слова и реальной действительности [4, с. 3; 19, с. 29]. В англоязычной поэтике фикциональность приравнивается к художественности – ср. английское *fiction* – и “выдумка”, и “художественная литература”. Попросту говоря, мир поэтического текста часто выдуман автором. Как писал Е. Г. Эткинд, читателя, по большому счету, не должно интересовать, кого целовал поэт, с кем он расстался, кого он описывает и кому посвящает стихотворение, – не факт, что это все достоверно [14, с. 228].

Фикциональность оправдывается первенством языковой формы над содержанием. Продолжая мысль В. Брюсова об отличии поэзии от прозы, можно сформулировать и ее отличие от обычной речи: “в поэзии слово – цель; в прозе (художественной) слова – средство. Материал поэзии – слова, создающие образы и выражающие мысли; материал прозы (художественной) – образы и мысли, выраженные словами” [3, с. 36], а материал обычной, нехудожественной речи – информация в ее широком понимании.

Первенство формы предполагает значимость всех элементов текста, о которой писал Ю. М. Лотман: “любые элементы речевого уровня могут возводиться в ранг значимых”; “любые элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения” [7, с. 47].

Структурный принцип поэтического произведения – принцип возвращения. Чтобы понять значимость элемента, нужно вернуться назад и перечитать текст. Не перечитывая текст, невозможно открыть многие формальные и содержательные его грани. Поэтому, если обычное речевое высказывание строится как протяженное во времени, то художественное – как протяженное в пространстве [7, с. 49]. Из пространственной упорядоченности поэтического текста следует его композиционная упорядоченность. Единицы различных языковых уровней (фонетического, грамматического, лексического, синтаксического) оказываются вовлеченными в тесные взаимосвязи, работающие на создание законченного, когерентного целого – художественного произведения [7, с. 117].

Поэтический текст характеризуется высокой концентрацией глубинных смыслов на относительно кратком отрезке текста. Е. Г. Эткиндром сформулирован “внутренний закон поэтического искусства: максимальная сжатость словесного пространства при беспредельной емкости жизненного содержания” [14, с. 125]. Вспомним крылатые строки А. Н. Некрасова: *Правилу следуй упорно: Чтобы словам было тесно, Мыслям – просторно.*

С семиотической точки зрения, поэтическому тексту присуща иконичность [7, с. 116]. Мысли и чувства в поэзии не просто выражаются, а изображаются, демонстрируются при помощи слов. Во-первых, слова “рисуют” картинки реальности, которые наводят читателя на определенные мысли и вызывают чувства. Во-вторых, слова связываются в словоформы, передающие различные мысли и чувства, на основании которых при помощи смысловых, логических и ассоциативных связей читатель выводит глубинное содержание и представляет в своем воображении соответствующие картинки.

Все указанные свойства поэтического текста приводят к его неоднозначной интерпретации. В самом существе поэзии коренится игра на неоднозначности. При этом неоднозначным может быть не только само поэтическое произведение, но и его автор, и даже адресат [15, с. 26].

Коммуникативные роли автора и адресата (которые, по большому счету, и создают коммуникацию) не только могут быть неоднозначными в отдельных произведениях. В поэтическом тексте вообще они проявляют существенную специфику, при характеристике которой можно использовать классификацию адресатов Г. Г. Почепцова. Адресат может быть и реальным человеком, но чаще всего это либо обобщенный, коллективный адресат (читатель, современники, все человечество), непрямой адресат, квазиадресат (неживой предмет, божественная сущность) или же сам автор [9, с. 450].

А вот с автором еще сложнее. Когнитивная поэтика уходит от рассмотрения ментальных процессов автора, сосредотачиваясь на когнитивных механизмах интерпретации словесного поэтического образа. В прагматике же основным когнитивным понятием является интенция говорящего.

Думается, что именно понятие интенции способно “прагматизировать” лингвопоэтику. Являясь основой речевой деятельности, интенция формирует высказывание как на формальном, так и на содержательном уровне. Можно предположить, что она лежит в основе и деятельности творческой, внося вклад в создание поэтического текста и на формальном, и на содержательном уровне.

Интенция автора поэтического текста. В когнитивной психологии под интенцией или интенциональным состоянием психики субъекта понимается направленность его сознания на положения вещей внешнего мира [11, с. 96; 12, с. 10; 16; 22]. Например, боль или состояние беспокойства неинтенциональны, поскольку высказывание о них будет всего лишь их описанием [11, с. 123]. Напротив, выражение надежды, убеждения или желания предполагает необходимость уточнения направленности этих состояний: *На что некто надеется?, В чем некто убежден?, Чего некто желает?* Действительно, нельзя надеяться, если не знаешь, на что надеешься,

нельзя быть уверенным, если в сознании так или иначе не отражено то, в чем ты уверен, нельзя желать, не зная, чего желаешь. Иначе говоря, интенциональное состояние всегда предполагает некий объект.

Интенция может проявляться как:

– интенция первого порядка или репрезентационная интенция – направленность сознания на определенный ментальный объект;

– интенция второго порядка или коммуникативная интенция – намерение говорящего донести до адресата свою репрезентационную интенцию и вызвать у него определенную реакцию, т. е. совершить речевое действие [12, с. 12].

Репрезентационная интенция является самодостаточной, однако коммуникативная интенция не существует без репрезентационной. Имея репрезентационную интенцию, субъект может и не испытывать потребности в коммуникации. Только с появлением коммуникативной интенции субъект вступает в речевую коммуникацию и становится говорящим субъектом. Так, сомневаясь в некотором положении вещей (репрезентационная интенция), некто может обратиться за информацией к соответствующему справочнику – это действие не будет, в строгом смысле слова, коммуникативным. Но если у него появляется цель спросить другого субъекта и побудить его к ответу (коммуникативная интенция), это значит, что он совершает речевое действие – спрашивает.

Наличие адресата для коммуникативных интенций обязательно. Поэтому наличие у субъекта интенции второго типа отличает коммуникативное действие от некоммуникативного.

Специфика автора поэтического текста проявляется как раз в области интенции. Во-первых, это чаще всего репрезентационная интенция, не предназначенная для непосредственной коммуникации *face-to-face*. Во-вторых, реальная интенция может не соответствовать выраженной, что оправдывается художественным вымыслом или домыслом автора, фикциональностью текста и, опять же, подчинено поэтической функции языка. Поэтому в поэтике используется термин “лирический герой” – “своего рода художественный двойник автора-поэта”, который может находиться и в “пределном совпадении с его личностью”, и в “ощутимом несовпадении с нею”; это лирический образ, сознательно построенный автором и досозданный читателем [10]. В-третьих, интенция автора чаще всего проявляется на уровне всего текста. Текстовый уровень проявления интенции обоснован Г. Г. Почепцовым: “то, что может быть достигнуто употреблением предложения, может достигаться также (нередко даже более эффективно) использованием последовательности предложений, текстом” [9, с. 476]. При этом интенция текста в целом не является “выносимым за скобки общим признаком некоторой последовательности” высказываний, а возникает как “интегральный признак текстовой совокупности” высказываний [9, с. 477].

В целом, объектом интенции может выступать:

– концепт, соотносимый со словом, – *некто желает автомобиль*;

– пропозиция, положение вещей, соотносимое с высказыванием, – *некто желает поехать ближайшим летом на море с любимым человеком*;

– более крупная ментальная единица, соотносимая с текстом, – *некто желает, чтобы претворилась в жизнь картина мира, выражаемая определенным текстом, в которой представлен отдых на море с любимым человеком ближайшим летом*.

Интенция автора стихотворения – текстовая, она выражена поэтическим текстом, т. е. последовательностью высказываний, скрепленных в единое целое тем самым “специфическим (эгоцентрическим) внутренним состоянием художника” [1, с. 120] при помощи языковых средств всех уровней.

Если автор целенаправленно создает произведение поэтического искусства, используя для этого бессмысленные слова, он не может не иметь определенного отношения к выражаемому

смыслам. Другое дело, есть тексты с более выраженной интенцией (авторской позицией), а есть такие, где она едва уловима. Скорее, речь идет о шкале текстов по интенциональности, находящихся в зависимости от жанра, литературного направления и стиля автора.

Прагматические типы поэтического текста. Сказанное позволяет выделить прагматические типы поэтического текста на основании типов репрезентационной интенции. В зависимости от ведущей психической составляющей репрезентационные интенции подразделяются на:

– ассертивные (знание, незнание, сомнение, предположение, вера, уверенность, рациональная оценка);

– волитивные (желание, намерение);

– эмотивные (эмоциональная оценка, отношение к адресату, эмоции) [18, с. 137; 21, с. 213–221].

На ассертивной интенции основаны стихи-зарисовки и стихи-описания, представленные в пейзажной лирике, стихи-воспоминания, присущие жанру любовной и психологической лирики, стихи-размышления и стихи-рассуждения, которые находим в философской лирике, а также стихи-повествования, характерные для баллады и других лиро-эпических жанров. Ассертивная интенция таких текстов состоит в представлении некоторого положения вещей – адресат должен поверить в его истинность.

Наименее представлена в поэтических текстах волитивная интенция, состоящая в выражении желания или намерения осуществления некоторого положения вещей. Речевые действия, основанные на волитивной интенции, – просьбы, советы, предложения, приглашения, запреты, призывы, вопросы, обещания и т. п. Она представлена в философской, социальной и любовной лирике, лежит в основе стихов-обращений (агитка, слоган), стихов-вопросов (детских загадок), дидактических детских стихов, стихов-прославлений (ода, эпитафия, социальная лирика), поэтических клятв и т. п.

Эмотивная интенция – наиболее органичный тип для поэтического текста, поскольку эмотивность присуща ему ингерентно. Автор выражает эмоционально-оценочное отношение (положительное или отрицательное) к положениям вещей, передаваемым словами, и стремится донести до адресата это отношение, оказать на него эмоциональное воздействие.

Эмотивной интенцией характеризуются стихи-переживания, стихи-признания в рамках любовной, психологической, городской лирики. Оценочный компонент интенции содержат стихи-осуждения (эпиграмма, пародия, гражданская, социальная лирика), стихи-восхищения (сонет, любовная лирика), стихи-шутки (пародия, стилизация, частушки) и т.п. Парадные примеры стихов, выражающих этот тип интенции, – любовная лирика. Ведь любовь, с точки зрения когнитивной психологии, – это не что иное, как эмотивная интенция, – высшее проявление положительного эмоционально-оценочного отношения к объекту.

Данные интенциональные типы относятся к положениям вещей, представленным планом содержания текста. Однако план выражения, играющий в поэзии главенствующую роль, диктует целесообразность выделения еще одной ипостаси интенции в поэтическом тексте. Вероятно, существует особый тип эмотивной интенции – эстетическая, позволяющая художнику получать наслаждение от творимого произведения.

Эстетическая интенция соотносится с авто-референцией текста: отсылая читателя к словам, автор демонстрирует свое восторженное отношение к их сочетаниям, к словесному орнаменту, создаваемому своим вдохновением, и заставляет читателя разделить это восторженное отношение – получить эстетическое удовольствие. Именно так слова помогают автору и читателю постигать мир – в этом и проявляется поэтическая функция языка.

Одновременная реализация двух видов интенции – референтивной и эстетической – позволяет говорить о двойственном характере авторской интенции поэтического текста, что является ее четвертой специфической чертой, наряду с рассмотренными характеристиками – ограниченностью репрезентационным уровнем, фикциональностью и текстовым выражением.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что приведенные прагматические типы поэтических текстов представляют собой не законченную классификацию, а примеры интенционального подхода к анализу поэтического текста с позиций когнитивной прагмапоэтики.

Даже учитывая большое количество указанных взаимосвязанных специфических черт, можно утверждать, что поэзия все-таки прагматична. Прежде всего потому, что она коммуникативна. Пусть семи-коммуникативна, но она создается в обществе – человеком и для людей. Язык возник из потребности коммуникации. Поэтому любое его проявление, в том числе и поэзия, коммуникативно обусловлено. Автор в момент создания стихов отражает в них особенности своего сознания, все свои ментальные репрезентации – концепты, пропозиции, интенции, стратегии – свои чувства и мысли.

Правомерность прагмапоэтики удастся доказать благодаря когнитивизации методологии. Привлечение к анализу поэтического текста интенционального подхода, характерного для лингвопрагматики, позволяет выделить особый вид эмотивной интенции – эстетическую, основанную на поэтической функции языка и авто-референции поэтического текста и предполагающую положительное эмоционально-оценочное отношение автора к создаваемой словесной форме.

Специфическими чертами авторской интенции поэтического текста являются: ограниченность репрезентационным уровнем, фикциональность, текстовое выражение, двойственный характер – одновременная реализация двух видов интенции – референтивной и эстетической.

Перспективным представляется углубление интенционального анализа поэтических текстов различных жанров, а также рассмотрение вопроса о статусе речевых актов в поэтической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания / Владимир Григорьевич Адмони. – СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 1994. – 153 с.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / Михаил Михайлович Бахтин ; [сост. С. Г. Бочаров, В. В. Кожин]. – М. : Художняя литература, 1986. – 543 с.
3. Брюсов В. Я. Сила русского глагола / Валерий Яковлевич Брюсов. – М. : Советская Россия, 1973. – 189 с.
4. Гуроров В. А. Категория функциональности в аспекте феноменологии и восприятия / В. А. Гуроров // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – Х. : Вид-во ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2009. – № 838. – С. 3–6.
5. Заболотська О. В. Імперативні синтаксичні конструкції в англійському поетичному дискурсі : когнітивно-прагматичний аспект : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / О. В. Заболотська. – Херсон, 2012. – 20 с.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / Алексей Николаевич Леонтьев // Избранные психологические произведения : в 2 т. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 2. – С. 94–230.
7. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии : Анализ поэтического текста / Юрий Михайлович Лотман. – СПб. : Искусство, 1996. – 846 с.
8. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин ; [пер. с англ. А. А. Медниковой] // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17 : [Теория речевых актов]. – С. 22–130.
9. Почепцов Г. Г. Избранные труды по лингвистике / Георгий Георгиевич Почепцов. – Харьков : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2009. – 556 с.
10. Роднянская И. Б. Лирический герой / И. Б. Роднянская // Лермонтовская энциклопедия АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – М. : Советская энциклопедия, 1981. – С. 258–262.

11. Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний / Дж. Р. Серль ; [пер. с англ. А. Л. Никифорова] // *Философия, логика и язык*. – М. : Прогресс, 1987. – С. 96–127.
12. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / [под. ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой]. – СПб. : Алетейя, 2000. – 320 с.
13. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика / Иван Павлович Сусов. – Вінниця : Нова книга, 2009. – 272 с.
14. Эткинд Е. Г. Разговор о стихах / Ефим Григорьевич Эткинд. – СПб. : ДЕТГИЗ, 2004. – 240 с.
15. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // *Структурализм: “за” и “против”*. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
16. Bratman M. E. What is Intention? / Michael E. Bratman // *Intentions in Communication*. – Cambridge, Mass., L. : MIT, 1990. – P. 388–400.
17. Humboldt W. V. Über den Dualis / Gelesen in der Akademie der Wissenschaften am 26. April 1827 / Wilhelm von Humboldt // *ders. Schriften zur Sprachphilosophie*. – Darmstadt : Fink, 1963. – S. 113–143.
18. Lapp E. Linguistik der Ironie / Edgar Lapp. – Tübingen : Narr, 1992. – 189 S.
19. Lerchner G. Literarischer Text und kommunikatives Handeln / Gotthard Lerchner. – B. : Akademie, 1987. – 87 S.
20. Merilai A. Pragmapoetics as literary philosophy / Arne Merilai // *Interlitteraria*. – 2007. – No. 12. – P. 379–392.
21. Polenz P. V. Deutsche Satzsemantik : Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens / Peter von Polenz. – B., N. Y. : de Gruyter, 1988. – 389 S.
22. Schmitt H. Zur Illokutionsanalyse monologischer Texte. Ein Konzept mit Beispielen aus dem Deutschen und Englischen / Holger Schmitt. – Fr. / M. : Lang, 2000. – 302 S.
23. Stierle K. Text als Handlung : Grundlegung einer systematischen Literaturwissenschaft / Karlheinz Stierle. – München : Fink, 2012. – 360 S.
24. Tsur R. Toward a Theory of Cognitive Poetics / Reuven Tsur. – Amsterdam : Elsevier Science Publishers, 1992. – 549 p.

Дата надходження до редакції 17.10.13